

ДАРЬЯ БОТИНА

Часть 1

Красные братья

Дарья Ботина
Красные братья. Часть 1
Серия «Красные братья», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73907187
Красные братья : приключенческий роман / Д. Ботина: Четыре;
Санкт-Петербург; 2026
ISBN 978-5-908079-98-3*

Аннотация

Мексика. Тысяча девятьсот девятнадцатый год. Еще полыхает пожар революции. В забытой богом Саламанке под видом монаха скрывается военный преступник, а на старенькой гасиенде в глуши деревушки Хасинто анархисты объединяются с картелем Кортеса для борьбы против правительства. На плечи красавца Диего ложится нелегкое бремя: жизнь его друга Джека висит на волоске, госпожа его сердца соглашается на роман с контрабандистом ради общего дела, а мерзавец Кортес мстит им за смерть одного из своих парней. Сможет ли Диего организовать побег из монастыря, чтобы спасти лучшего друга, и помочь Аните, его возлюбленной? Какую тайну скрывает дядя-индеец? И кто они, братья по духу?

Приключенческий роман «Красные братья» – это не просто вызов к вершине человеческих чувств. Это больше, чем о

настоящей мужской дружбе и любви без ответа. Это о людях как они есть, без фальши.

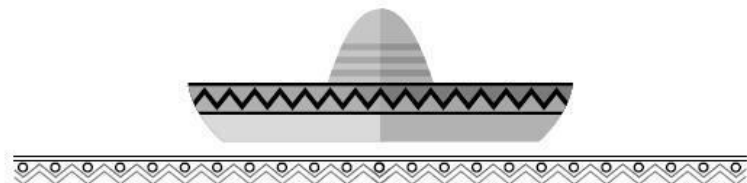
В книге присутствуют сцены потребления алкоголя и табака.

Содержание

Об авторе	7
Слово автора	9
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	31
Глава 7	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Дарья Ботина

Красные братья

Приключенческий роман

© Д. Ботина, текст, 2026

© Издательство «Четыре», 2026

Об авторе

Дарья Ботина родилась в городе на Неве. После окончания медицинского университета в 2025 году начала вести врачебную практику. Пишет в жанре психологического и мистического реализма. Публиковалась в сборниках «За горизонтами мечты», «Черный чай», «Прекрасное сияние», «Вопрос времени» в разделе «Проза». Победитель конкур-

сов: «Вовремя сказанное, нужное слово» в рамках проекта, посвященного творчеству Александра Грина (2025); «Читательское признание» (2025). Финалист премии «Наследие литературы XXI века» (2025, изд-во «Четыре») в номинациях: «Литературное достояние – 2025», «Знак четвертой звезды», «Автор года – 2025». Финалист топ-100 молодежной литературной духовно-нравственной премии «Эпифания». Автор сборника прозы «Пряности по-карибски».

Слово автора

В мире написано много книг и еще больше всякой бессмыслицы. Но как знать наверняка, что добыл алмаз среди обломков? Лишь годами перебирая груды безжизненной лавы. А потому тебя, искушенный читатель, я навряд ли смогу поразить изворотливостью мысли или хитросплетением судеб. Но ранить в самое сердце смогу. Наверняка. Этот роман оставляет незакрытую брешь в душе. Делает ее уязвимой. Потому что происходящее в нем далеко за гранью человеческих чувств. Мексика, анархия, революция – все это лишь огни, фосфоресцирующие огни на горящем костром небосводе. Но что нам до этих огней? Важней всего люди. О них я и хочу рассказать...

Часть 1

Революция открыла глубокие раны, не дав средства их исцеления.

Эрмилио Абреу Гомес

Глава 1

Паблито и похороны

У Диего Каштелу не было врагов. Кроме одного – честности. Она и была причиной всех его неприятностей. Остальные появились уже потом. Гораздо позднее.

Бульвар Касадора простирался от проспекта Саламанки до моста через реку Лерма. Диего бывал здесь нечасто. Не то чтобы он не любил этот город. Он вырос далеко за его пределами. И мыслил шире аллей и скучающих переулков, и, как

ни старался, полюбить его он не смог. Эти тусклые фонари, молчаливый свет которых вечерами превращал набережные Саламанки в призрачные понтоны, казался ему чужим и холодным, а прохожие на мосту Негро – персонажами далекого прошлого. Вот мужчина за столиком на углу раскуривает сигарету. На нем старый, потертый котелок из фетра и полосатые брюки с заутюженными спереди складками. Ах нет, постойте. Это же Паблито. Ну да, Паблито Трухильо. Коммерсант из Рио-Ранчо, присоединившийся к революционерам два года назад. Встретить его – большая удача. Только почему он так легкомыслен?

– Никак не думал застать вас здесь.

Паблито смеется. В который раз Диего убеждается, что усы ему лучше сбрить.

– Сегодня отпевание моей кузины Эстер, – он пожимает плечами. – Где же еще мне быть, как не здесь?

– Соболезную.

– Право, не стоит, – отмахивается Паблито. – Бедняжка болела так скверно, что ее уход был весьма своевременным.

Диего устало кивает. Конечно, ему жаль бедняжку Эстер. Он помнит ее еще молоденькой девочкой. С бантом в волосах. С большими доверчивыми глазами. И вот она умерла. Умерла от тифа. Какой абсурд! Он берет стакан виски и выпивает его залпом.

– Я почти не вижу вас на мессе, – подтрунивает над ним Паблито.

«Да он по ней не скучает...» – вырывается у Диего, но он заставляет себя промолчать.

– Никак вы больше не верите в бога?

Диего смеется, вливая в себя еще один бокал.

– А вы?

– Я всего лишь коммерсант, а не священник, – задумчиво протягивает Паблито. – Но, как по мне, вы человек пропащий.

Диего думает, что ослышался.

– Я?

– Вы, вы, – кивает Паблито. – Вы утратили веру, мой друг. Я помню вас в первый день революции. Как вы пришли ко мне. – Он достает из кармана спички. – Вы были совсем другим человеком...

– Этот разговор начал не я, – осторожно вставляет Диего, прикуривая, – но раз речь зашла об этом, то мне нужна ваша помощь.

– Я у вас в долгу, – покорно кивает Паблито. – И вам обязан. А потому вы вправе просить что угодно.

– Я не пришел просить у вас денег, – замечает Диего. – Есть кое-что другое.

– Если это не бомба, – смеется собеседник, – то я согласен.

– Красные батальоны.

Паблито заметно нервничает.

– Но что я могу?

– В монастыре Святого Августина скрывается человек.

Его разыскивают. Всюду.

– Но позвольте... – мнется Паблито.

Диего делает рукой жест, призывая к молчанию.

– Проникнуть в монастырь куда проще, чем кажется. А вот покинуть его – задача не из легких.

– Что же вы хотите от меня?

– Вы коммерсант, – пожимает плечами Диего, – и наверняка слышали о подземных тоннелях, соединяющих монастырь с другими обителями.

Паблито кивает.

– Вам понадобятся чертежи.

– Думаю, среди букинистов вы найдете одного или двух, кому сможете доверять.

Паблито снова кивает, на этот раз погрязнув в собственных мыслях.

– Дайте мне несколько часов.

Диего поднимается, сигаретный пепел слетает на землю.

– Это не мое дело, – вставляет Паблито, прежде чем Диего успеет его покинуть, – но я хотел бы знать, кого именно вы намерены спасти.

– Джека Маршалла, – немного погодя отвечает тот.

– Но он же опасен!

Паблито, кажется, побледнел. Бедняга. Он уже отвык от всего, что когда-то связывало его с красными братьями. Что ж, он неплохо устроился. Его винить не в чем.

– Опасен? – смеется Диего. – Он так же опасен, как вы

или я.

– Но с него так и не сняли обвинения, – задумчиво протягивает Паблито.

– Это не делает его преступником, – отрезает Диего. – Пока вина его не доказана, он не может считаться виновным. Не согласны?

Сидящий напротив кивает. Да и разве тут есть чему возражать?

– Как бы то ни было, – Паблито потирает висок, – я сделаю что должен.

– В какой церкви пройдет отпевание?

– В церкви Святого Хуана.

Диего кивает. Что ж, кухне Эстер не уйти, с ним не попрощавшись. Впрочем, она ему не кузина вовсе, хоть и знакомы они с детства. А вот ее брат Паблито ничего и не знает о ней. Разве что имя.

– Не задерживайтесь после похорон, – замечает Диего, оставляя на столе несколько золотых песо. – Вас могут убить.

– Меня? – удивляется коммерсант, оглядываясь. – Но я только первый день в городе. Да и революция давно закончилась.

Диего снова смеется, задерживаясь у выхода.

– Революция? Нет, Паблито. Разве вы так и не поняли? Революция никогда не заканчивается.

Словно в подтверждение его слов на соседней улице раздается взрыв. Диего не вздрагивает, нет. Он знал, что так бу-

дет. Так должно было быть. Еще ничего не кончено. Кафе «Катрин» остается позади. Там еще слышатся встревоженные голоса посетителей. Завтра об этом напишут в газетах. А сегодня? А сегодня ему нужно еще немного подумать...

Глава 2

Груши для Аниты

Брат-капуцин Захария Шпичка был в монастыре человеком новым и казался персонажем столь же мифическим, как если бы зулусы в Африке не грешили каннибализмом. Но, впрочем, дело, конечно, не в них.

– Дым? – потягивая носом воздух кельи, тревожится аббат Берни.

– Должно быть, принесло ветром.

Захария поспешно закрывает окно, и аббат успокаивается.

– К вечерне жду вас на исповеди.

Захария кивает и на этот раз не забывает запереть за стариком дверь. Аббат не глуп, рано или поздно он догадается. Да и папироску под мантией заметил. Ну и пусть. Скинув с себя монашеское обличие, Захария крутит в руках сигар-

ку. Исповедь... Старый черт решил узнать о его грехах? Он смеется, сжимая до боли кулак. О, ему будет что рассказать. И он расскажет. А потом убьет старика. Шрамы на теле его полыхают как незатушенные угли. Стиснув зубы, он достает пистолет. Пора кончать эту шараду. Слишком она затянулась. Только вот есть одна проблема: в грехи он не верит. Зря аббат так печется о них. Просто он плохой человек, вот и вся история. И ни Сатана, ни Иисус здесь ни при чем. И если однажды дьявол явится за ним, он встретит его достойно. Или он не Джек Маршалл.

Отворив заскорузлые от ливней ставни, Джек выглядывает в окно. В центре патио качается от ветра дерево бессемянной груши. Кажется, какой-то русский сорт. Анита любила груши. Их сладкий запах щекочет ему ноздри. А ведь он ей обещал... старое ранчо в Вайоминге, мост возле ручья и водяную мельницу. А за ранчо... А за ранчо чудесный сад. И повсюду груши. Но теперь он уж не выполнит своего обещания. И они не проживут «долго и счастливо». И виноват в этом он. Джек высовывается в окно и подставляет лицо дождю. Если кому в этом мире и принимать его исповедь, то только ему. Дождь барабанит по стенам монастыря, по пальмовым листьям, а в воздухе тают последние запахи лета: тыквенного пирога, оладий на молоке, прогорклого дыма и темно-вишневых георгинов в алебастровой вазе аббата Берни.

За стенами аббатства зернятся подсолнухи, беззаботно протягивая навстречу ветру свои улыбчивые лица. А вот и

брат Бонифаций. Натянув до носа капюшон, спешит в винodelьню. Славный малый. С ним Джек всегда не прочь поболтать или пропустить рюмку-другую. Он ему нравится. Он лишен всякой надменности, не боится вопросов в упор и травит забавные анекдоты. С ним Джек провел немало веселых ночей. Сложись все иначе, они непременно бы подружились. Но он в бегах. У него не может быть друзей. Кроме одного. Впрочем, вызволять его Диего пока не торопится.

Дождь усиливается. Повинуясь сиюминутному порыву, Джек накидывает мантию и спускается по ступеням. Срывая с веток желто-зеленые груши, он собирает их в подол. Дождь превращается в град. И монах Захария торопится скрыться под сводами аббатства. Из приоткрытого окна в келье доносятся звуки рожка. Должно быть, пастух на одном из дальних пастбищ. Грустная мелодия. Груши в вазе источают запах меда. Но ему не хочется есть. Стук в дверь. Он прячет бутылку, точно последний пропойца.

– Кто там?

– Брат Захария Шпичка?

На пороге стоит человек. Даже если бы на нем не было этого чудовищно длинного капюшона, Джек узнал бы его. Непременно узнал.

– Неужели?

– Пришло время отпустить твои грехи.

Глава 3

Прощай, Эстер

На похоронах Диего всегда чувствовал себя не в своей тарелке. Он не знал, куда деть руки. Его одежда была не к случаю. А когда священник произносил «пепел к пеплу, прах к праху», ему до смерти хотелось курить. Вот и в этот раз все было так же. Бросая на дубовую крышку гроба цветок желтофиоли, Диего пожимает плечами. «Прощай, малышка Эстер. Помолись обо мне там», – думает он с неподдельной нежностью. Черт побери, она заслуживала лучших похорон. Подпирая чугунную решетку, Диего дожидался Паблито у ворот кладбища Святой Кристины.

– Полагаю, теперь мы квиты?

Диего смотрит на карту и попутно кивает.

– Мне жаль твою сестру.

– Постой, – окликает его Паблито, и только теперь он за-

мечает, что они вдруг перешли на «ты».

– У меня мало времени.

– Для чего ты все это делаешь?

– Делаю что?

– Ведешь себя так, словно что-то можешь еще изменить.

Взгляд его блуждает мимо кованых оград кладбища, поросших плющом, покосившихся крестов и надгробий, сплошь усеянных незабудками. *Myosótis*, кажется... Да. Но он уже не помнит греческий. В старших классах учитель ботаники вечно лежал в лазарете. У него был энцефалит. Не какой-нибудь, а летаргический. Человеку, сраженному этой болезнью, непреодолимо хотелось спать. Порой он засыпал прямо во время урока. А однажды так и не проснулся. *Myosótis*... Переводится как «мышинные уши». Но почему, собственно, мышинные? Ах да, Паблито.

– Изменить? – переспрашивает Диего. – А почему бы и нет?

– Разве мы не живем в мире, которого достигли с таким трудом? – Глаза коммерсанта бегают из стороны в сторону. Стоит приглядеться, и непременно увидишь, что он чем-то напоминает жабу.

– Что ты называешь миром, Паблито? Чего, по-твоему, мы достигли этой войной?

– Демократия, мой друг. Не о ней ли мечтал каждый, беря в руки винтовку?

– Демократия? – Диего неприкрыто смеется, держа в зу-

бах сигарету. – И сколько, по-твоему, крестьян в Идальго снабжены землей?

– Но, – Паблито виновато улыбается, – ты и сам человек образованный, отслуживший в морской пехоте, и знаешь мир наизнанку. Тебе ли не понимать, что любые реформы требуют времени?

– Времени? – Диего тушит окурок носком сапога. – У нас его никогда не было.

Солнце заходит за горизонт, бросая на Саламанку длинные уродливые тени. Диего уже поблизости и потому попросту тянет время. Часы на башне возвещают о том, что аббат Берни вот-вот провозгласит вечернюю молитву. До монастыря Святого Августина остается каких-то десять шагов. Девять... Восемь... Семь...

Глава 4

Пистолет в подряснике

Оглушив привратника, новоиспеченный монах следует вдоль патио. Весело насвистывая незатейливую мелодию, он пересекает внутренний дворик, сплошь усаженный африканскими пальмами. Где-то наверху уныло кричит неясить, заметив в обители чужака. Диего прибавляет шаг. Когда-нибудь и у него будет патио. Не такое большое, как это, конечно, но ведь и он не аббат и не священник. Он просто обманщик.

Далекий гудок. Должно быть, автомотриса из Леона. Четверть одиннадцатого. Пробираясь по глухим закоулкам, он старается привлечь как можно меньше внимания. И все же незамеченным уйти не удастся. Вот какой-то прислужник. Мальчишка. Принялся рассматривать монаха. Еще бы! Его лицо он видит впервые.

– Эй, погоди! – окликает его мальчишка, но Диего и не думает медлить.

У входа в башню прислужник хватает его за плечо.

– В чем дело, брат мой?

Оба в растерянности.

– Назови свое имя!

– Проспер, – лягнув первое, что приходит в голову, улыбается Диего. Надо же. Едва не попал впросак.

– Ты тот, о ком говорил епископ?

Вот уж привязчивый.

– Епископ?

– Неделю назад обещали прислать экзорциста. – Прислужник с любопытством глядит на Диего.

– Да, меня прислал епископ.

– Теперь аббат Берни будет спокоен.

– А что его тревожит?

– Как? – удивляется прислужник. – Я думал, епископ тебе все рассказал.

– Нет, он только намекнул, что дело срочное.

Мальчишка кивает.

– Аббат Берни... Его посещают видения.

– Видения? – Диего поглядывает на часы. – Какого толка?

– Ему мерещится, будто дьявол ворует все его груши.

– Неужели? Прямо с дерева? – хохочет Диего, и мальчишка снова кивает.

– Он боится этих снов наяву.

– А ты сам что думаешь?

Прислужник мнется, не зная, как лучше ответить.

– Как по мне, он пьет слишком много красного эля.

Они смеются. «Черт, этот парень не так глуп. Как жаль, что его душа пропадает здесь даром, – с грустью думает Диго. – Впрочем, не всем же быть солдатами».

– Но как бы там ни было, – вставляет прислужник, – твой приход очень кстати. Я бы не хотел, чтобы пророчество аббата сбылось.

– Как мне ни жаль, – пожимает плечами монах, – боюсь, что дьявол уже здесь.

– Здесь? – с тревогой оглядывается мальчишка. – Где?

– В этих стенах.

Похлопав парнишку по плечу, Диго торопится. Но у входа в башню оборачивается.

– А как твое имя?

– Паскаль, – отвечает мальчишка.

Монах кивает. «Что ж, малыш Паскаль, еще свидимся». Диго отворяет дверь. Изнутри на него пахнуло промозглой сыростью. Так не долго и заболеть туберкулезом. Диго морщится. Кладка известняка под пальцами крошится, а поверх нее сыплется какая-то плесень. Где-то рядом погреб. Только вот пить ему не хочется. А в любой другой раз он бы стащил бутылку бонмара. Впрочем, пора бы уже заняться делом и найти старину Джека. Диго зажигает спичку и достает пистолет.

Глава 5

Монахи-беглецы

Как только дверь перед Джеком распахнулась, он едва сдержал нецензурную брань. Когда месяц назад он попросил Диго вытащить его отсюда, он и подумать не мог, что тот явится сам. Да еще и в облачении.

– Брат Захария Шпичка?

– Да ты рехнулся! – цедит сквозь зубы Джек, заталкивая его в келью.

– Не богато живешь, – смеется Диго, осматривая комнату.

– Умоляю, скажи, что тебя никто не видел!

– Ты о привратнике или мальчишке на побегушках?

Джек хватается за волосы, тербя их в разные стороны.

– Дьявол!

– Как, по-твоему, я должен был попасть внутрь? Сквозь

стены ходить не умею, а что до заклинаний, – он берет в руки грушу и пробует ее на вкус. – Так нынче я экзорцист Проспер, и колдовство вообще не в моем характере.

Джек закатывает глаза, а Диего продолжает смеяться.

– Где ты это взял?

– Одолжил у привратника.

Джек даже побледнел.

– Ты раздел беднягу догола?

– Я одолжил. Одолжил у бедняги подрясник, – поправляет его Диего.

– Что ты с ним сделал?

– Ну, он не хотел пускать, пришлось немного приложиться. И пока он не очнулся и не поднял шум, я советую делать ноги. Если, конечно, новая роль не пришлась тебе по вкусу.

Джек кивает, доставая из-под кровати разодранный в клочья чемодан. Держа в руке тлеющий огарок, Диего спускается по винтовой лестнице, минуя злосчастный погреб. Ступени уходят все ниже, а воздух становится более затхлым.

– Брат Захария Шпичка... – шепчет Диего, трясая головой. – И как такое в голову пришло!

Джек пожимает плечами.

– А экзорцист Проспер чем, собственно, лучше?

– Не знаю, – вставляет Диего, глядя на карту. – Но, возможно, это моя лучшая роль.

Нашарив ладонью один из камней, он с силой надавливает на него, и стена медленно уходит в сторону, открывая им

узкий проход.

– Только после вас, – улыбается Диего, и Джек заходит первым.

Наверное, монахи могли идти так довольно долго, если бы о тайном ходе знали только они двое. Но увы. Впереди замаячила чья-то фигура. Они замерли. Затем что-то хрустнуло. Джек и Диего одновременно выхватили пистолет.

– Подними руки, – скомандовал Джек.

Тучная фигура опустила какой-то бидон и послушно подняла руки вверх. Только когда огарок свечи осветил лицо бедняги, Джек понял, что стрелять он не будет. Не в этот раз.

– Брат Бонифаций, – вздохнув, протянул он.

Глава 6

Августинец-подрывник и капуцин-миротворец

Когда брат Бонифаций задышал снова, молоко в бидоне, вероятно, скисло. Или же испуг оказался сильнее. Но, в любом случае, пахло в тоннеле скверно. Джек брезгливо поморщился.

– А я-то думаю, – восклицает монах, приветливо улыбаясь, – чьи это голоса в подземелье! На грех, решил, что аббат Берни снова начал чудить! – Он разводит руками и добродушно смеется.

– Как ты здесь оказался? – вздыхает Джек, опустив пистолет.

– Но это самый короткий путь из трапезной, – виновато улыбается брат Бонифаций.

– Кто еще знает о нем?

– Только аббат Берни.

– Я не хотел, чтобы так вышло, – цедит Джек, борясь с нахлынувшей грустью. – Не так я хотел проститься.

– Что ты! – машет руками монах. – Это пустяки!

– Завтра о моем побеге узнают... – В глазах Джека застыла немая просьба.

– Ты ведь никакой не монах, правда? – вдруг спрашивает Бонифаций, потирая запястья.

– Нет.

– Я догадывался.

– Я такой же монах, как ты епископ.

Брат Бонифаций смеется.

– Пожалуй, многие говорят, что я похож.

– Но как ты догадался?

– Это было не трудно. Ты путаешь Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки, а Псалтырь читаешь задом наперед.

Джек устало улыбается.

– Аббат Берни уже стар и ничего не видит, но я не мог не заметить.

– Я благодарен тебе. За молчание. Если когда-нибудь понадобится помощь, – пожимая ладонь, уверенно говорит Джек, – ты знаешь, где меня искать.

– Нам пора, – поторапливает Диего. – Должно быть, привратник уже очнулся.

– Вы оглушили привратника? – в ужасе шепчет брат Бонифаций.

Диего виновато пожимает плечами.

– Выбора не было.

– Это вы зря, – качая головой, вздыхает тот.

– Надо спешить!

– Пойдите! – кричит монах, призывно махая рукой. – Если вы ищете выход в город, то вам в другую сторону.

– В город нельзя, – отрезает Диего. – Его сразу узнают.

Нам нужно в часовню Святой Кристины.

– Ту, что на окраине кладбища?

– Именно.

– Но проход завалили полгода назад.

Брови Джека взлетают вверх.

– Мне жаль, – пожимает плечами Бонифаций. – Но после побега клирика Спиридона его закрыли. Чтобы у полоумных не было соблазна.

– Значит, будем взрывать, – бросает Диего, прикуривая от огарка.

– Взрывать? – брат Бонифаций холодеет от пота.

– Что за шум?! – голос, раздавшийся откуда-то сверху, заставил всех троих вздрогнуть.

– Это еще кто? – шепчет Диего.

– Аббат Берни, – кивает монах. – Ступайте, я вас прикрою.

В последний раз обменявшись рукопожатием, они разминулись навсегда. Или нет? Но в этот момент стена вновь за-

двинулась, и теперь они могли различать лишь голоса.

– Кто там? – надрывался аббат Берни.

– Всего-навсего я, брат Бонифаций!

– Опять промышляете воровством? – ворчливо отзывается настоятель.

– Никак нет, – отшучивается монах. – Со мной только я и бидон топленого молока.

– Неужели? А куда подевались полдюжины мускатных уток из кладовой? И пуд ячменя из амбара на той неделе?

– Если бы ревизию проводил я, – смеется брат Бонифаций, – то я бы предпочел уткам куропаток и ушастых рябчиков. Что до ячменя, то в амбаре завелась крыса! Здоровенная!

Дальше Диего уже не слышал. Он шел вперед по сырým, промозглым тоннелям. Где-то юркнула мышь и притаилась за одним из камней.

– Ты ведь не серьезно? – Джек потер щетину. – Ты же не собираешься взрывать монастырь?

– Именно это я и планирую сделать. – С этими словами Диего сует руку за пазуху.

– Бомба? – Джек старается кричать тише, но у него получается плохо. – Да ты спятил!

– Когда я сосчитаю до трех, беги.

– Ты обрушишь аббатство нам на голову! – не унимается Джек, борясь с намерением поколотить своего спасителя.

– Эта стена не несущая, – ощупав ладонью камни, уверен-

но отвечает Диего. – Итак, один, два, три...

– Псих ненормальный, – успевает бросить монах-капуцин, отбегая на несколько метров в сторону.

Когда язычок пламени облизывает фитиль круглой бомбы, остается еще секунда. Затем он пожирает ее целиком. Взрыв наверняка всполошил аббатство. Но вопреки опасениям Джека урон был не смертельным. Пострадала только кирпичная кладка, которой заделали проход. Стены остались невредимы. Диего хихикает, боясь представить лицо аббата Берни. Какой же переполох наверху! Подумать только, аббатство Святого Августина подорвалось на собственной mine! А может быть, это дело рук священников-террористов из какого-нибудь тайного братства? Революционной организации «Земля и правда»? Но газетам, конечно, яснее. Завтра они обо всем напишут.

Подрывник и его осуждающий, вымазавшись в чем только можно, проделывают путь около мили на юг. Когда вверху показывается люк, Джек подсаживает Диего на плечи. Оказавшись в сумраке часовни, оба украдкой оглядываются. Двери храма заперты. Джеку ничего не остается, кроме как разбить оконное стекло локтем. Перепрыгнув через подоконник, он оставляет несколько золотых песо.

– Что ты делаешь? – бросает Диего, оглядываясь.

– Стекло придется менять, – отрезает Джек, и Диего не возражает.

Кажется, жизнь в аббатстве несколько изменила взгляды

бывшего командира мотострелковой роты. И какая-то мысль мучает его.

– В чем дело? – не понимает Диего.

– Ему пришлось солгать. Солгать из-за меня.

До Диего доходит, что речь идет о брате Бонифации. Ему же пришлось их прикрыть.

– Да, но ты ведь не веришь в грех? – смеется Диего, ища в глазах Джека ответ.

– Нет. Но он верит.

Они молча бредут по кладбищу. Среди покосившихся крестов и плачущих ангелов тлеет желтый огарок. Вдруг за гранитной плитой раздается отчетливый звук.

– Что за черт?

– Как будто кочерга или лопата.

Да, то был звук штыковой лопаты. Слух не подвел Диего. А вскоре и свет керосиновой лампы на углу каменной раки озарил фигуру за плитой.

– Глазам своим не верю, – выдыхает Диего.

– Он что, раскапывает могилу? – Лицо Джека искажает волна отвращения.

– Похоже на то, – смеется второй монах, попутно стягивая с себя подрясник. – А я смотрю, у вас коллектив что надо. Брату Бонифацию одного аббата Берни было мало... Теперь и малыш Паскаль не отстает.

– Не смейся, – отрезает Джек. – Еще услышит!

– Постой, – наклоняется Диего, прищуриваясь. – Он же

не собирается...

В подтверждение его слов прислужник натужно пытается сдвинуть крышку гроба.

– Знаешь, а мне кажется, мы уже порядком задержались.

– Согласен, – цедит Джек, трясая головой. – Не хочу на это смотреть.

И они уходят. Пока малыш Паскаль занят делом, у них еще есть шанс удрать. Только теперь Диего замечает, что все это время Джек что-то прячет в подоле. И то был отнюдь не пистолет.

– Что это там у тебя?

– Груши.

– И для чего они тебе?

– Для души.

Глава 7

Старые любовники

Стоило ли говорить, что в родной Хуарес, куда Джек Маршалл перебрался из Техаса девять лет назад, путь ему был заказан? А потому, запрыгнув на мотодрезину, неспешно гремящую по одноколейке, они направились напрямиком в Хасинто. Туда, где среди крестьянских деревушек и зеленых холмов уютилась небольшая гасиенда Диего под нехитрым названием Веселая хижина.

Пока машинист с неистовым усилием пытается заставить дрезину двигаться в заданном направлении, Джек курит, поглядывая на мелькающие пашни. Пастбища проплывают мимо, точно кучевые облака. Их сменяют другие: легкие и перистые. А за ними виднеются стога сена. Август подходит к концу. Подует ветер, и непременно уйдешь с головой в воротник. До того сырой и промозглый случается здесь сен-

тябрь. Но и у осени есть свои причуды. Даже в Саламанке. Если вдуматься, вы оставляете это незамеченным. Вот и Джек ни с того ни с сего, вдруг осознал, что другого шанса прожить эту жизнь у него не будет. Так почему бы не научиться замечать все эти простые вещи, безделушки и странности?

Дым папиросы согревает воздух. Искры отлетают в стороны и тут же гаснут в тлеющей синеве сумерек. Дрезина дергает. Диего кажется это забавным. Любопытная штукавина эта дрезина – не то вагонетка, не то локомотив. Где зад, где перед, сразу не поймешь. Снова ветер. Он пахнет горечью, отжившими мечтами и увядающими луговыми травами. Подул этот ветер, и террасы, все лето горящие пестрыми красками, моментально желтеют. Джек протирает ладонью лицо. Вот рассыпает лиловые лепестки эхинацея. Джек снова прикуривает. На глазах его едва заметны слезы. Диего не знает, о чем он грустит, глядя на эту мирную жизнь. Жизнь, которой у него, Джека, уже никогда не будет. Быть может, все дело в ней? Он еще любит ее?

– Дальше только Пустунич! – кричит машинист, тормозя дрезину. – До Хасинто вам около часа пути.

Джек спрыгивает с подножки. Начинается дождь. На мокрые рельсы брызжут капли. Капли неистово моросят, залепляя глаза и лицо. Друзья идут молча. Мимо брошенных кем-то гасиенд, кофейных плантаций, старой пшеничной мельницы. Длинные пряди черных волос падают Диего прямо на

лоб. Он стягивает их бечевкой, забирая в высокий пучок на затылке. Дорога тянется вверх по холму, и нет-нет да и начинают то тут, то там мелькать крохотные домишки.

– Уже не помню, когда был здесь в последний раз, – мрачно произносит Джек, сдвигая на лоб свою шляпу – старое борсалино, кочующее в его чемодане бог знает сколько лет. Он с ним не расстается.

Вот дюжина загорелых крестьян собирает урожай ямса. Один достает мачете, протирая со лба пот, и оглядывается на них.

– Можешь быть спокоен, – прикуривая, улыбается Диэго. – Если кто-то из местных и узнаёт тебя, они смолчат.

– Но это не моя деревня, – возражает Джек. – Какая им выгода?

– Это Хасинто, приятель. – Диэго смеется, подставляя лицо дождю. – Здесь у каждого своя тайна. И каждый вправе хранить ее.

– Значит, это деревня «немых».

Вдалеке показалась Веселая хижина. При первом взгляде на этот дом сердце бередили воспоминания далекой юности. Гасиенда выглядела так, точно в ее стенах осталось все лучшее. Пальмы вокруг словно приглашали войти.

– Назад дороги нет, – усмехается Диэго и заходит первым.

Он бросает рюкзак в углу и принимается разжигать камин. В гостиной пахнет сыростью. Должно быть, ночью здесь тоже шел дождь. В полутьме предрассветных сумерек Джек

не сразу заметил ее. Но голос показался ему знакомым.

– Если не хочешь быть убитым, выкинь эту чертову шляпу.

Он вздрагивает. Только теперь, когда Диего прочистил трубу и дым от камина рассеялся, он узнает силуэт. Ее силуэт. Она сидит в кресле, положив нога на ногу, и курит длинные тонкие сигареты. У нее миндалевидные глаза и темно-каштановые волосы, забранные в хвост, перехваченный в нескольких местах золотыми гребнями-полумесяцами. В ушах ее тоже кольца. Золотые. Мелодично звенящие. Но эти волосы цвета не то скошенной травы, не то золотистой охры, а порой и вовсе отливавшие ржавчиной, были его самым дорогим воспоминанием. Когда оцепенение сходит на нет, Джек ощущает во рту металлический привкус. Должно быть, он прикусил губу. Нет. Он не желает видеть ее в этом доме. Все давно кончено.

– Что она здесь делает?

Диего подкидывает в камин дрова и оглядывается.

– Курит, – как ни в чем не бывало отвечает он. – А ты разве против?

Сарказм в голосе друга Джек воспринимает плохо.

– Когда я вернусь, исчезни, – эти слова он бросает ей. Затем берет ружье и шагает за порог.

– Не волнуйся, это пройдет. – Диего по-дружески улыбается ей, предлагая пересесть ближе к огню. Он укрывает ей ноги пледом, а сам садится на корточки, наблюдая за тем,

как разгорается пламя.

– Как все прошло?

– Могло быть и хуже.

– Уверена, ты сделал все возможное.

Диего кивает.

– Не держи на него зла.

– Я не злюсь.

Джек спускается вниз по холму. Навстречу ему летят шмели и еще какие-то жужелицы. Он отмахивается. Ему хочется драться. Даже выстрелить. Но он сдерживается. Аббатство его изменило. Прежде он непременно бы что-нибудь выкинул. И Анита это знает. Ей довелось видеть все то, что видеть нельзя, если хочешь любить открыто. Честно. Без предрассудков. Но его нельзя любить. Больше нет. И он это знает. Его мятежной душе мир всегда был чужд. И что осталось от него, Джека Маршалла? Что-то, чем могла бы гордиться любимая женщина? Он все потерял. Он пал так низко, что даже не в силах смотреть на нее. Все эти годы он обещал ей быть честным. Все вокруг верили ему. А он их всех предал. Правда, он и прежде уже предавал. И предавал не раз. Но то были женщины иного толка. Женщины, которых видишь только, когда наступает ночь, а наутро о них и не вспомнишь. Порой некоторые из них ненадолго задерживались в его жизни, но все это было несерьезно. Аниту он встретил позднее. С ее приходом его будни неожиданно обрели смысл. И он верил, что это не зря. Как верят, вероятно,

мальчишки. Но эта любовь, эта пестрая ленточка, так не вяжущаяся с его буйным нравом, казалась ей такой неискренней, ненастоящей. Она не верила ему. Долго не верила. Пока он однажды не выстрелил себе в руку. Пулю извлекли из левого предплечья. Она чудом не раздробила кость. С того дня их отношения изменились. Нет, она еще не любила его. Вернее, робко начинала любить. Но счастливый конец им уготован не был. У Джека был скверный характер. И они часто ссорились. Как-то раз он не вернулся. По дороге в Хуарес у него лопнуло колесо. И это было чудовищной подлостью. Но разве Анита слушала? Она смеялась над его нелепыми оправданиями. Тогда это все и случилось. Верно, он был не без греха и предавал и прежде. Предавал многих. Вот так в один прекрасный день он предал и ее. Он изменил ей. А когда наутро пришло осознание содеянного, все стало только хуже. Грех тянет за собой другой грех – ложь. И он солгал ей, думая, что она не узнает. Но правда всегда выходит наружу. Как она кричала! Как била его! До потери сил! А он только молча стоял. Ему нечего было ей возразить. Просить прощения? Но зачем? Что это изменит? Он – предатель. И его душа будет гореть в аду. Больно было не только потому, что слезы ее жгли ему душу. Ему было стыдно. А это было скверное чувство. Стыдно и перед ее матерью, женщиной редких достоинств. А ведь она приняла его как сына. (Своей матери он и не помнил.) Джек и ее предал. От этой мысли ему становилось тошно. Тошно жить на свете.

Потом слезы кончились. Он не знал почему. От того ли, что Анита не сильно его любила, или же на это были иные причины? Но она вдруг одумалась и задышала снова. Он же дышать не мог. Революция пришлась на их разлад, и Джек не думая записался в добровольцы. Почему она не ушла в ту ночь? Этот вопрос мучил его и по сей день. Анита была женщиной гордой. Любая другая на ее месте уже собрала бы свой чемодан. Но она осталась. Осталась в его жизни, в его мыслях и в его сердце. Простила ли она? Нет. Это уж он знал наверняка. Ради мести? Ей ли не знать, как ему невыносимо ее присутствие. Несколько раз во время войны они виделись. Незадолго до гибели Сапаты, революционера, под покровительством которого находился весь юг, они встретились в последний раз. В ту ночь они занимались любовью, а наутро расстались, не говоря ни слова. И вот теперь снова. Ее лицо... Словно он не думал о ней все эти месяцы. Пора возвращаться, но Джек боится столкнуться с ней взглядом. Ее взгляд острый, как нож.

Джек прицеливается и выстреливает из ружья. Зеленый фазан. Вот удача. Он поднимает птицу, осматривая перья. Когда Джек заходит на порог гасиенды, он находит Аниту на том же месте. У камина, где Диего оставил ее.

– Ты еще не научился стрелять? – смеется она, кивая на дичь в его руке.

Он наизусть знает ее игру. Она делает вид, что ей все равно. Улыбается как ни в чем не бывало.

– Если, стреляя, я когда-нибудь промахнусь, – цедит Джек сквозь зубы, – то этим человеком будешь только ты.

– Какая честь, – бросает Анита, потягивая из бокала вино. Белое вино из плодов папайи. Кажется, урожая тысяча девятьсот третьего года. Отец Диего привез из Кении несколько таких бутылок. Местное вино и в подметки этому не годится. Джек берет бутылку и пьет прямо из горла.

– А ты изменился, – Анита качает головой. – Раньше ты не был таким трусом.

– Ты назвала меня трусом? Не может быть, – Джек неестественно смеется, садясь в кресло напротив нее.

– Иногда я жалею тебя.

– Жалеешь? Меня? – Он подается вперед, борясь с желанием обнять ее.

– Да.

– Анита, если ты пришла сюда, чтобы потешить свое самолюбие, то зря. Потому что мне плевать. Можешь унижать меня сколько хочешь.

Он откидывается на спинку кресла, достает из кармана спичку и чиркает ею о край коробка. Искра на мгновение освещает его лицо: недельную щетину на широких тяжелых скулах, темные глаза. Прежде казавшиеся такими знакомыми, они смотрят на нее издалека. Пустые. Холодные.

– Хочешь знать, почему я здесь? – вдруг спрашивает она, стряхивая пепел с сигареты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.